

К проблеме определения субъектов уголовного права

В. Н. Куфлева

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: val_swatch@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретической характеристики субъектов уголовного права. Отмечено, что сбалансированность полноценной теории субъектов уголовного права является важным условием развития уголовно-правовой науки и правоприменительной практики. Рассмотрев теоретико-правовую характеристику понятия «лицо в уголовном праве», автор сформулировал несколько базовых тезисов. В частности: 1) субъектами уголовного права следует признавать государство (как федеральное образование) и лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от способности последних осознавать содержание запретов и нести ответственность за их нарушение; 2) субъекты уголовного права обладают равновеликим правовым статусом, в силу чего предпосылкой их полноценного участия в правовых отношениях выступает установление соразмерных возможностей по отстаиванию собственных интересов; 3) к категории лиц как субъектов, противостоящих государству в сфере уголовного права, относится, прежде всего, физическое лицо (человек) с неисключенной возможностью признания субъектом уголовного права юридических лиц.

Ключевые слова: субъект уголовного права, правоотношения, правоспособность, правосубъектность, лицо.

On Defining Entities of Criminal Law

V. N. Kufleva

Kuban State University

149 Stavropolskaya st., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: val_swatch@mail.ru

The article considers the theoretical characteristics of entities of criminal law. It is noted that a balanced full-fledged theory of entities of criminal law is an important condition for the development of crime science and law enforcement practice. Having examined the theoretical and legal characteristics of the concept of "individual in regard to criminal law," the author formulated several basic theses. In particular: 1) among the entities of criminal law should be ranked the state (as a federal entity) and the persons to whom penal prohibitions are addressed, regardless of the latter's capacity to understand the content of the prohibitions and bear responsibility for the law violation; 2) entities of criminal law have equal legal status, due to which proportionate facilities to defend their own interests appear to be a prerequisite for their full participation in legal relations; 3) among the entities opposed to the state in the criminal law should be ranked natural entities, first of all, with open possibility for legal entities to be ranked there.

Key words: entity of criminal law, legal relations, legal capacity, legal identity, person.

Сбалансированность полноценной теории субъектов уголовного права является важным условием развития уголовно-правовой науки и правоприменительной практики. В попытке обеспечить этот баланс специалисты уже приступили к разработке общего учения о субъектах уголовного права. Однако, признавая ценность полученных при этом результатов, в полной мере с ними согласиться сложно.

Одним из первых к проблематике субъектов уголовного права обратился А. А. Лакеев. Отталкиваясь от вопроса о предмете уголовно-правового регулирования и связывая его особенности с категорией «насилие», он сформулировал положение, согласно которому к субъектам уголовного права относятся все те лица, которые: а) применяют насилие, то есть преступник и государство, а также лица, совершившие общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или причинившие вред при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; б) претерпевают насилие, то есть потерпевшие от преступлений [Лакеев 2003: 18-38; Лакеев 2005: 106-119].

Признавая ценность самой идеи исследования субъектов уголовного права, а также потенциальную допустимость отождествления категорий «лица» и «субъекты», нельзя не обратить внимание, что в предложенной А. А. Лакеевым концепции, по большому счету, происходит отождествление субъектов уголовного права с субъектами уголовно-правового отношения, причем в такой трактовке этих отношений, которая сама по себе не является общепризнанной

и нуждается в обосновании. И если вариативная концепция уголовно-правовых отношений может мыслиться вполне допустимой в условиях плюрализма теоретических позиций, то смысл вычленения субъектов права как самостоятельной правовой и исследовательской категории фактически утрачивается.

Вопрос о соотношении субъектов права и субъектов правовых отношений – весьма непрост. В теоретической и гражданско-правовой литературе существует мнение о том, что субъекты права и субъекты правоотношений могут восприниматься в качестве тождественных феноменов [Теория государства и права 2003: 417; Гражданское право 2006: 86-87]. Но наряду с этим в науке широко представлен и уточняющий (а по сути опровергающий эту точку зрения) взгляд на проблему [Теория государства и права 2004: 187]. Субъектом права, – пишет, в частности, Л. А. Морозова, – может быть любое лицо, обладающее правоспособностью, субъект же правоотношения в обязательном порядке должен обладать полным объемом правосубъектности, т. е. правоспособностью и деликтоспособностью; субъект права лишь потенциально может иметь права и обязанности, но не всегда их реализует, субъект же правоотношения – всегда участник процесса реализации субъективных прав и юридических обязанностей; субъект права определяется нормами права, а для субъекта правоотношения помимо норм права требуется наличие волевого момента; субъект права, как правило, не персонализирован, субъекту же правоотношения во всех случаях отводится конкретная роль [Морозова 2010: 238].

Об этих различиях пишут и авторы некоторых специальных исследований: «субъект права и субъект правоотношения соотносятся как философские категории «общее» (субъект права) и «отдельное» (субъект правоотношения), «возможное» (субъект права) и «действительное» (субъект правоотношения)» [Биктагиров 2018: 59-60]. Субъект правоотношения, отмечает Р. А. Ромашов, во всех случаях является субъектом права, вместе с тем обратная связь не столь очевидна. Правосубъектность как универсальное качество субъекта права предполагает наличие у лица правоспособности, тогда как дееспособность является факультативным элементом правосубъектности и характеризует не всех субъектов права, а лишь субъектов конкретных правоотношений. Если правоспособность возникает у каждого человека с момента рождения и сразу в полном объеме, то дееспособность субъекта права определяют ряд конкретных обстоятельств [Романов 2007: 73].

Эти различия между субъектом права и субъектом правоотношений, как представляется, не в полной мере учитываются специалистами в области уголовного права, которые, выстраивая собственную концепцию субъектов уголовного права, разграничивают исследуемые понятия.

Так, Н. В. Шигина исходит из вполне четко фиксируемой позиции о недопустимости отождествления субъектов уголовного права и субъектов уголовно-правовых отношений. Под субъектами уголовного права ею предложено понимать личность, общество и государство, политическое общение между которыми в сфере уголовного права ограничивается интересами регулирования, обеспечения или охраны жизненно важных интересов – необходимых и достаточных условиях их существования. В отличие от субъектов уголовного права субъекты уголовно-правовых отношений, в ее понимании, – это формально определенные лица, индивидуализированная связь между которыми определяет содержание уголовно-правовых запретов, а также отношений ответственности за их нарушение. В отличие от субъектов уголовного права, чьи уголовно-политические роли ограничены сущностью и функциями уголовного права, субъекты уголовно-правовых отношений, отмечает исследователь, не могут быть поименованы кратко и исчерпывающим образом. Автор указывает, что неизменными остаются лишь субъекты отношений уголовной ответственности – лицо, совершившее преступление, осужденный и государство. Что же касается субъектов отношений, определяющих содержание уголовно-правовых запретов, то их индивидуальные признаки зависят от многообразия запретов [Шигина 2007: 429, 431].

Аналогичную, причем в некоторых местах дословно воспроизводящую, позицию озвучил А. В. Иглин. В качестве субъектов уголовного права в его работе обозначены личность, общество и государство как носители гарантированных Конституцией РФ прав по обеспечению их безопасности и предусмотренных ею обязанностей соблюдать установленные в этих целях ограничения [Иглин 2008: 8].

Не углубляясь в вопрос об уголовно-правовых отношениях и их субъектах, обратим внимание на предложенную Н. В. Шигиной и А. В. Иглиным трактовку субъектов уголовного права.

Для начала – о персональном составе субъектов уголовного права. Таковыми исследователи признают личность, общество и государство. Естественно, что государство, как общепризнанный субъект уголовного права, в рамках этих построений не вызывает нареканий. Статус личности как субъекта права – если сейчас оставить в стороне специфическую смысловую нагрузку данного понятия по сравнению с понятиями «физическое лицо», «человек», «лицо» – также не может быть оспорен. Однако признание субъектом права «общества» не укладывается ни в общую теоретическую концепцию субъектов права, ни в логику уголовно-правового регулирования и воздействия. Если в описанной триаде противопоставить общество такому субъекту, как государство, то его интересы не будут отличимы от интересов отдельных людей; если же противопоставить общество личности, то оно фактически будет отождествлено с государством. У общества в сфере уголовного права нет самостоятельных интересов, отличных от интересов отдельных лиц и государства. Общество, если и смотреть на него как на некую самостоятельную сущность, не обладает правоспособностью, ни «естественной», ни нормативно заданной. У него нет юридических предпосылок к тому, чтобы заявлять и отстаивать, приобретать и реализовывать какие бы то ни было самостоятельные права. И потому общество не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта уголовного права.

В продолжение критики рассматриваемой позиции – утверждение авторов о том, что субъекты уголовного права есть субъекты «политического общения» в сфере уголовного права. Представляется, что в данном случае происходит осознанная (или неосознанная) подмена понятий – когда субъекты права отождествляются с субъектами

«политического общения», то есть политики. Безусловно, право и политика – области тесно взаимосвязанные. Но они и различны, как различны субъекты правового и политического общения. Субъекты уголовной политики – совершенно особый круг субъектов, далеко не совпадающий с субъектами уголовного права или субъектами уголовно-правовых отношений. В процессе их политического общения (политической борьбы за обладание уголовно-правовым ресурсом и его содержание) как раз и решается, среди прочего, вопрос о том, кого признавать субъектом уголовного права. Так что отождествление ими субъектов уголовного права с субъектами политического общения в области уголовного права можно рассматривать не иначе как ошибку.

Два отмеченных недостатка концепции Н. В. Шигиной и А. В. Иглина взаимосвязаны между собой. Полагаем, именно переориентация на политическую сферу позволила им включить общество в круг субъектов уголовного права. Согласимся, общество недопустимо полностью изымать из рассуждений о связи уголовного права и его субъектов. Интересную ремарку в этом отношении делает В. В. Хилjuta. Он пишет: «уголовное право никогда не находилось в руках общества, наоборот, оно всегда использовалось как инструмент для «мягкого» регулирования общественных отношений и пресечения маргинальных настроений общества», и потому не надо питать иллюзий относительно того, что «уголовное право будет являться своеобразным щитом в руках общества от возможного произвола со стороны государства» [Хилjuta 2023: 21]. Все это верно, но «руки общества» в данном случае – это «руки» политического, а не правового субъекта. Участие общественных институтов в формировании и реализации уголовной политики – большая и самостоятельная тема, выходящая далеко за пределы нашего исследования.

Таким образом, в первом приближении, субъектами уголовного права следует признавать государство, с одной стороны, (причем в условиях российской действительности, в силу предписаний п. «о» ст. 71 Конституции РФ, речь идет о государстве как исключительно федеральном образовании), и лиц – с другой.

Продолжение анализа требует обращения к вопросам терминологического свойства. В научной литературе для обозначения субъекта права используются различные понятия – «личность», «человек», «лицо». За каждым из них – не просто лингвистические предпочтения авторов, а особый взгляд на право.

Как представляется, наименее удачным из предложенных наукой является термин «личность». Он наполнен известным и весьма специфическим социальным и психологическим содержанием, которое позволяет проводить тонкие дифференцирующие различия между индивидом (как биологическим существом) и личностью (как существом социальным). Однако эти различия не имеют значения для решения вопроса о возможности человека выступать в качестве субъекта права или объекта правовой защиты. В этой связи совершенно не случайно, что УК РФ использует слово «личность» фактически как синоним слова «человек», не вкладывая в него некоего дополнительного смысла.

Более значимым представляется выбор между терминами «человек» и «лицо». Он предопределяет не только возможность или невозможность включения в круг субъектов уголовного права юридических лиц. Это обстоятельство, что называется, «лежит на поверхности». Выбор здесь детерминирован более глубокими представлениями о механизме включения человека в систему права и функционирования права в целом.

Классический подход к решению вопроса состоит в последовательном разграничении человека как явления физического мира и лица как юридического понятия о человеке. Еще Н. Л. Дювернуа отмечал, что человек «как физическая особь со всеми бесчисленными видоизменениями, ей свойственными» для юридических отношений безразличен, что в праве могут быть мыслимы представления о лице только как об «абстракции», как о правоспособном субъекте, что понятие субъекта есть «юридическая переработка живого явления» [Дювернуа 1895: 258]. Аналогичного мнения придерживался Г. Ф. Шершеневич, когда писал, что «субъект права – не антропологическое, а чисто юридическое представление. Субъект права не то же самое, что человек, это только одно его свойство, созданное объективным правом» [Шершеневич 1912: 575].

Однако в последнее время, в том числе под влиянием антропологического поворота, в науке наблюдается некоторая корректировка этих представлений. «Постмодерн, а за ним и юристы, работающие в соответствующем дискурсе, стремятся к методологическому номинализму – признать субъектом права исключительно человека. ... При таком подходе происходит натурализация субъекта», стремление «рассматривать антропологические факторы как значимые для построения теории субъекта» [Пономарева 2018: 75].

Некоторыми исследователями это обстоятельство оценивается подчеркнуто критически. Однако в нем есть, вне сомнений, свое рациональное зерно.

Попытки «очеловечить» категорию субъекта права берут свое начало еще в теоретических построениях психологической школы права Л. И. Петражицкого [Павлов 2017: 87-105]. Ее современная интерпретация приводит исследователей к выводам о том, что «субъект права изначально (т. е. до государства – В. К.) обладает такими возможностями, которые не могут быть от него отняты без того, чтобы в этом случае не ликвидировать само представление о субъекте» [Поляков 2016: 304], что «субъект права есть частный случай субъекта общественных отношений», что обособленного, формализованного (а значит, и порождаемого) законодательством субъекта права быть не может, что «субъект права – это одновременно правовой институт, т. е. безличностный правовой статус, закрепленный в нормах права, и его воплощение в конкретном ментальном образе и юридически значимых действиях (как традиционных, так и инновационных) персонифицированных индивидов» [Честнов 2009: 22, 30].

Акцент на человеке как «единственном источнике всего правового и главной цели права» [Архипов 2005: 11-12] помогает разрешить весьма значимый для понимания субъекта права вопрос о том, какие отличия существуют между «человеком» и «лицом» в сфере права. В этом отношении нельзя не обратить внимание на наличие двух подходов к пониманию субъекта права. Первый – естественно-правовой, в рамках которого субъектом права признается любое физическое лицо, наделенное правосубъектностью. Субъектом права здесь признается человек,

независимо от его физико-психического состояния, в том числе и люди, находящиеся в состоянии невменяемости. Отсутствие дееспособности в рамках этой концепции не является препятствием для признания лица субъектом права. Второй подход – позитивистское понимание субъекта права, в рамках которого субъектом считаются физические лица, которые в соответствии с действующим законодательством наделены не только правоспособностью, но и дееспособностью, то есть правосубъектностью в рамках тех или иных правоотношений [Биктагиров 2018: 48-49; Сальников, Страмоухов 2001: 20].

Полагаем, не требует специальных доказательств мысль о том, что при позитивистском понимании субъект права полностью отождествляется с субъектом правоотношения, а потому как самостоятельная правовая категория лишается смысла. Основная идея, положенная в теорию субъекта права, состоит как раз в том, чтобы обозначить круг лиц, к которым обращены правовые нормы, которые обязаны их воспринимать, вне зависимости от того, становятся ли эти лица участниками конкретных правоотношений.

Признавая преимущества естественно-правового понимания субъекта права, надо, таким образом, признать, что в сфере уголовного права правосубъектностью наделены все без исключения люди. С этой точки зрения между человеком как субъектом уголовного права и лицом как субъектом уголовного права нет принципиальных отличий.

Вопрос состоит лишь в том, является ли человек единственным лицом, противостоящим государству в сфере уголовного права. Если да, то термины «человек» и «лицо» могут употребляться как синонимичные. Если же нет, если допустить возможность включения в круг субъектов уголовного права иные правовые образования (прежде всего, юридических лиц), то такое отождествление становится неоправданным. Категория «лицо» в этом случае будет более широкой по своему содержанию, позволяя относить к субъектам уголовного права и физических лиц (людей) и юридических лиц.

Не предвещая собственного отношения к вопросу о статусе юридических лиц в уголовном праве, отметим, что использование понятия «лицо» для характеристики субъекта уголовного права оставляет больше возможностей для маневра и для развития самой отрасли уголовного права.

С учетом этого обстоятельства, при множестве существующих подходов к пониманию субъектов права [Чиркова 2012: 87-91], представляется возможным поддержать специалистов, которые указывают, что «субъектом права является каждый, к кому обращено право, на кого распространяются его нормы» [Захарова 1989: 114], что под субъектом права следует понимать «индивидуальное или коллективное лицо, которое по своим особенностям фактически может быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей в силу юридических норм, а также потенциально способное само или через своих представителей участвовать в правоотношениях» [Кистенев 2011: 11], «любое лицо, поведение которого регламентировано нормами права и вызывает наступление юридически значимых последствий» [Ромашов 2007: 72-73].

Следующий шаг в исследовании, учитывая статус отрасли уголовного права, – обсуждение вопроса о наличии специфики субъектов публичного права.

В научной литературе была предложена дефиниция, согласно которой под субъектами публичного права понимаются «лица, созданные в установленном нормами публичного права порядке (или им приравненные), целью деятельности и направленностью воли которых является выражение и обеспечение публичного интереса / реализация прав и свобод человека и гражданина, функционирование Российского государства, общества в целом, обладающие компетенцией для создания норм права и (или) участия в публично-правовых отношениях, приданной им нормами публичного права» [Лавренюк 2007: 8].

Не оспаривая некоторых содержательных достоинств этой дефиниции (в том числе признание связи субъектов публичного права и принадлежащего им публичного интереса), необходимо тем не менее указать, что она не может претендовать на универсальность и выступать теоретической основой для отраслевой интерпретации субъектов в области права уголовного. Суть претензии состоит в том, что автор, как представляется, не вполне оправданно отождествляет субъектов публичного права и публичных субъектов права.

В данном контексте стоит обратить внимание на терминологию, которую использует Конституционный Суд РФ в своих решениях при характеристике субъектов публичных и, что особенно важно, всех иных отношений. Суд, в частности, говорит о «субъектах публичной власти» [Постановление Конституционного Суда РФ 15.07.2021], о «субъектах, наделенных публичными функциями» [Постановление Конституционного Суда РФ 13.10.2022], «публичных субъектах» [Постановление Конституционного Суда РФ 08.11.2022]. Субъекты такого рода, повторим, участвуют и в публично-правовых, и в частно-правовых отношениях. И постольку поскольку мыслимы и реально существуют публичные субъекты частно-правовых отношений, постольку оправданно и в ряду субъектов публично-правовых отношений выделять так называемых частных субъектов. Другое дело, что частные субъекты – не обязательный, но возможный участник публичных правоотношений.

В этом отношении правильной представляется позиция С. Э. Шиндяпина, который субъектом публичного права признает любого социального субъекта, так или иначе взаимодействующего с государственными органами, органами местного самоуправления (должностными лицами этих органов), организациями, наделенными властными полномочиями, иными словами, с обязательным субъектом публичных правоотношений [Шиндяпин 2014: 178].

Отмеченное обстоятельство в разрезе исследуемой проблематики представляется важным как минимум по двум причинам.

Во-первых, оно позволяет предельно четко «развести» две смежные области права: международное уголовное право, субъектами которого выступают исключительно публичные лица (государства, прежде всего), и внутреннее, национальное уголовное право, субъектами которого выступают государство как публичное лицо и «частные» лица.

Во-вторых, оно заставляет обсудить принципиальный вопрос о характере взаимоотношений между субъектами национального уголовного права. Широко распространено мнение о их неравноправности по отношению друг к другу и разнополярном правовом статусе. В уголовно-правовой литературе в последние годы на эту тему предельно четко высказался А. И. Рарог. Он полагает неправомерной характеристику соотношения интересов субъектов уголовного права как баланса, паритета, равенства даже применительно к государствам, конституционно провозгласившим себя правовыми, поскольку монополия любого государства на принуждение заведомо исключает паритет интересов. Уголовное право, по его мнению, будучи карательным по своей сущности, не может и не должно относиться как к партнеру к лицу, совершившему преступление: оно всегда требует от этого лица ответа и по общему правилу подвергает его наказанию за содеянное [Рарог 2020: 298-304].

Несмотря на популярность данной позиции, считаем необходимым отметить, что, выражая авторский взгляд на проблему, она не в полной мере отвечает предписанным конституционным стандартам регулирования отношений в сфере уголовного права и в любом случае нуждается в уточнении.

Конституционный Суд РФ в своих решениях сформулировал несколько крайне важных позиций на этот счет. Он, в частности, указывал:

- в любых правоотношениях личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов [Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995; Постановление Конституционного Суда РФ 07.07.2023];

- соблюдение общеправовых принципов, конституционных критериев разумности и соразмерности предполагает лишь такое ограничение прав, которое не затрагивает самого его существа, и при котором человек из равноправного субъекта публично-правовых отношений не превращается в объект государственной деятельности [Постановление Конституционного Суда РФ 15.03.2023];

- в демократическом правовом государстве, чьей высшей ценностью являются человек, его права и свободы, неустранимые сомнения в правовом регулировании публичной ответственности не могут быть, по общему правилу, обращены против частных лиц как заведомо более слабой стороны складывающихся по поводу такой ответственности отношений [Постановление Конституционного Суда РФ 24.11.2022];

- в публично-правовых отношениях необходимо избегать нарушения конституционных прав и обеспечивать баланс интересов субъектов права [Постановление Конституционного Суда РФ 12.07.2023];

- во всех правоотношениях с участием субъектов, существенно различающихся между собой по критерию фактического равенства, должна быть обеспечена соразмерность возможностей сильной стороны относительно слабой стороны; а в отношениях между фактически равными субъектами должен быть соблюден баланс их прав [Информация Конституционного Суда РФ 14.11.2023].

Игнорировать эти конституционные требования в построении доктринальной теории недопустимо. Обратим внимание: Конституционный Суд РФ не признает фактического равенства государства и лица, совершившего преступление, признавая последнее «слабой стороной». Вместе с тем он исходит из позиции, согласно которой возможности неравных субъектов правоотношений участвовать в этих правоотношениях должны быть равными. В преломлении к предмету исследования эти суждения могут быть интерпретированы вполне определенным образом: неравные субъекты правоотношений должны входить в эти отношения в качестве равных субъектов права. Отмеченное ранее разграничение субъектов права и субъектов правоотношений здесь играет важную роль.

Таким образом, государство и иные лица как субъекты уголовного права должны обладать не столько равным, сколько, используя математические выражения, равновеликим статусом.

Подводя итоги общей теоретико-правовой характеристики понятия «лицо в уголовном праве», представляется возможным сформулировать несколько базовых тезисов:

1) субъектами уголовного права следует признавать государство (как федеральное образование) и лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от способности последних осознавать содержание запретов и нести ответственность за их нарушение;

2) субъекты уголовного права обладают равновеликим правовым статусом, в силу чего предпосылкой их полноценного участия в правовых отношениях выступает установление соразмерных возможностей по отстаиванию собственных интересов;

3) к категории лиц как субъектов, противостоящих государству в сфере уголовного права, относится, прежде всего, физическое лицо (человек) с неисключенной возможностью признания субъектом уголовного права юридических лиц.

Литература

Архипов С. И. Субъект права (теоретическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Биктагиров П. Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции / Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 59-60.

Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть. Учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (учение о лицах). СПб., 1895.

Захарова Е. Н. Индивид – субъект международного права / Советское государство и право. – 1989. – № 11. – С. 114.

- Иглин А. В. Личность как субъект уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008.
- Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 - 2023 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf>
- Кистенев К. И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
- Лавренюк А. В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Лакеев А. А. Виды субъектов уголовного права. Рязань, 2003.
- Лакеев А. А. Субъекты уголовного права: признаки, система / «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 106-119.
- Морозова Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
- Павлов В. И. Учение о человеке в психологической концепции права Л. И. Петражицкого и в современной антропологии права / Известия вузов. Правоведение. – 2017. – № 6. – С. 87-105.
- Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства / Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.
- Пономарева Е. В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 75.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» / Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1764;
- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2021 № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 3 статьи 158 и пункта 10 статьи 242.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также части 1 статьи 358 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхimmelя» / Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 30. – Ст. 5884.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 43-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В. Б. Колобаева» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 44. – Ст. 7653.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2022 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Трактородеталь Групп"» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 8107.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2022 № 51-П «По делу о проверке конституционности примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 49. – Ст. 8759.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей.1 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г. А. Алексева» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 13. – Ст. 2361.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2023 № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5498.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2023 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 2, подпункта 2 пункта 1 статьи 8, пункта 2 статьи 307 и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Михайлика» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5500.
- Рарог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации / Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 298-304.
- Ромашов Р. А. Субъект права: определение и социально-юридическая природа понятия / Юридическая мысль. – 2007. – № 3 (41). – С. 73.
- Сальников В. П., Страмоухов А. А. Генезис понятия «субъект права» / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2001. – №2 (10). – С. 20.
- Теория государства и права. Учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003.
- Теория государства и права. Учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004.
- Хиллута В. В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития). М., 2023.
- Честнов И. Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме / Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 3 (284). – С. 22, 30.

- Чиркова Е. С. «Субъект права»: подходы к пониманию / Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 1-1. – С. 87-91.
- Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Выпуск третий. М., 1912.
- Шигина Н. В. Субъекты уголовного права и уголовно-правовых отношений / Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 429, 431.
- Шиндяпин С. Э. Субъекты публичных правоотношений: проблемы понимания и классификация / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (134). – С. 178.

References

- Arkhipov, S. I. (2005). Subject of law (theoretical research): diss. ... Doctor of Law Sciences. Ekaterinburg (in Russian).
- Biktagirov, R. T. (2018). Subject of law as a supporting category of jurisprudence. Citizen. Elections. Power, 2, 59-60 (in Russian).
- Civil law: in 4 volumes. (2006). Т. I. General part. Textbook / ed. E. A. Sukhanov. 3rd ed., revised. and additional. Moscow (in Russian).
- Duvernois, N. L. (1895). From a course of lectures on civil law. Introduction and general part (the doctrine of persons). – St. Petersburg (in Russian).
- Zakharova, E. N. (1989). The individual is a subject of international law. Soviet state and law, 11, 114 (in Russian).
- Iglin, A. V. (2008). Personality as a subject of criminal law: diss. ...cand. legal sciences. Ulyanovsk (in Russian).
- Information from the Constitutional Court of the Russian Federation "Current constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020 - 2023)." Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 14, 2023. Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (in Russian)
- Kistenev, K. I. (2011). The system of subjects of Russian law in conditions of market relations: diss. ...cand. legal sciences. Saratov (in Russian).
- Lavrenyuk, A. V. (2007). Subjects of public law: theoretical and legal research: diss. ...cand. legal Sciences. Moscow (in Russian).
- Lakeev, A. A. (2003). Types of subjects of criminal law. Ryazan (in Russian).
- Lakeev, A. A. (2005). Subjects of criminal law: signs, system. "Black holes" in Russian legislation, 3, 106-119 (in Russian).
- Morozova, L. A. (2010). Theory of Government and Rights. Textbook. – 4th ed., revised. and additional. Moscow (in Russian).
- Pavlov, V. I. (2017). The doctrine of man in the psychological concept of law L. I. Petrazhitzky and in modern anthropology of law. News of universities. Jurisprudence, 6, 87-105 (in Russian).
- Polyakov, A. V. (2016). Human rights and state sovereignty. Postclassical ontology of law / edited by. ed. I. L. Chestnova. St. Petersburg (in Russian).
- Ponomareva, E. V. (2018). Methodological problems of distinguishing between subjects of law and quasi-legal subjects. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences, 4 (70), 4, 75 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 3, 1995 No. 4-P "In the case of verifying the constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. A. Avetyan". Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 19. – Art. 1764 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 15, 2021 No. 37-P "In the case of verifying the constitutionality of subparagraph 1 of paragraph 3 of Article 158 and paragraph 10 of Article 242.3 of the Budget Code of the Russian Federation, as well as part 1 of Article 358 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation in connection with a citizen's complaint Yu. A. Reinhimmel". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 30. – Art. 5884 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 13, 2022 No. 43-P "In the case of verifying the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 10 of the Rules for establishing security zones of electric grid facilities and special conditions for the use of land plots located within the boundaries of such zones, in connection with the complaint of citizen B. B. Kolobaeva". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 44. – Art. 7653 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 8, 2022 No. 47-P "In the case of verifying the constitutionality of paragraph 37 of the Rules for the collection, calculation, payment and collection of recycling fees in relation to self-propelled vehicles and (or) trailers for them, as well as the return and offset of overpaid or excessively collected amounts of this fee in connection with a complaint from the limited liability company "Traktorodetal Group". Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Art. 8107 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 24, 2022 No. 51-P "On the case of verifying the constitutionality of the note to Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug". Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 49. – Art. 8759 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 15, 2023 No. 8-P "In the case of verifying the constitutionality of part three.1 of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G. A. Alekseev". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023 (in Russian).

Куфлева В. Н. К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 44-51.

Kufleva V. N. (2024) On Defining Entities of Criminal Law. Legal Linguistics, 33, 44-51.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---